

ВЗГЛЯДЪ НА ГРАМОТНОСТЬ

И

УЧЕБНЫЯ КОМАНДЫ (ИЛИ ПОЛКОВЫЯ ШКОЛЫ) ВЪ НАШЕЙ АРМІИ.

I.

Первоначальные успѣхи и дальнѣйшія мѣры для устройства занятій грамотою въ войскахъ.

Со вниманіемъ прослѣдили мы ходъ и развитіе обученія грамотѣ въ войскахъ за все прошлое время, и рѣшились, посредствомъ разработки матеріаловъ, разбросанныхъ или мало извѣстныхъ, офиціаль-ныхъ и частныхъ, при помощи трехлѣтнихъ наблюденій, представить общую картину фактовъ въ ихъ непрерывной связи, чтобы способствовать разъясненію взгляда на сущность обученія войска грамотности и тѣмъ, по возможности, облегчить дальнѣйшую разработку этого важнаго вопроса.

Исслѣдуя вопросъ о грамотности во всемъ его объемѣ и руководясь сколько указаніями прошедшихъ опытовъ, столько же и дѣйствительными требованіями, мы надѣемся подойти возможно-ближе къ тѣмъ мѣрамъ, которыя *должны быть* неизбѣжнымъ слѣдствіемъ усилій, дѣлаемыхъ постоянно и въ извѣстномъ направленіи, для достиженія возможно-лучшихъ результатовъ въ дѣлѣ образованія солдатъ нашей арміи.

Считая *грамотность* необходимымъ условіемъ прогресса и основой всякаго образованія, всякой *професіи*, требующей смысла, а не одного механизма, мы, согласно съ нашими извѣстными военными педагогами, Погосскимъ, Заринскимъ и другими, подъ словами «грамотность» понимаемъ не одно усвоеніе процесса чтенія, не кое-какое умѣнье читать и писать, а *умѣнье отчетливо прочесть и ясно разсказать прочитанное, изложить на бумагѣ свои мысли и знать*

первыя четыре дѣйствія ариметики, съ приложеніемъ ихъ во всѣхъ случаяхъ обыденной жизни. Съ грамотностью неразлучны основныя начала религіознаго воспитанія, т. е. осмысленное знаніе началъ исповѣдуемой вѣры, чтобы эти свѣдѣнія сдѣлались достоинствомъ всей жизни и руководили во всѣхъ поступкахъ и дѣйствіяхъ.

Занятія грамотностью въ войскахъ, безъ сомнѣнія, находятся въ прямой зависимости отъ успѣховъ народнаго образованія: чѣмъ большая масса грамотныхъ рекрутовъ будетъ поступать въ армию, тѣмъ менѣе нужно усилій для занятій ею въ войскахъ, и обратно: чѣмъ меньшій процентъ грамотныхъ приходится на извѣстный контингентъ рекрутовъ, тѣмъ болѣе труда падаетъ на войска.

На первоначальное образованіе народа, той массы его, которая, до сихъ поръ, служитъ единственнымъ источникомъ комплектованія арміи, обращено вниманіе съ первыхъ же дней по освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Весьма естественно, что усилія правительства въ организаціи народныхъ школъ, даже при цѣломъ сочувствіи общества къ этому великому дѣлу, не могли въ короткое время увѣнчаться замѣтными результатами. Можетъ быть, пройдетъ немало времени, не одинъ десятокъ лѣтъ, пока народныя школы сдѣлаются повсемѣстно совершившимся фактомъ, какъ, напримѣръ, у нашей сосѣдки Пруссіи, имѣвшей еще въ 1864 году 25,120 общественныхъ элементарныхъ училищъ на 19,000,000 населенія, изъ котораго обучалось въ школахъ болѣе 3,000,000 дѣтей (16%), въ возрастѣ отъ 6 до 14 лѣтъ.

Какъ велика малограмотность русскаго народа, видно изъ свѣдѣній, имѣющихся въ военномъ министерствѣ о числѣ грамотныхъ рекрутовъ.

Въ послѣдніе три года (1867—1869), изъ всего контингента поступившихъ рекрутовъ считалось менѣе 10% грамотныхъ.

	Рекру- товъ.	Грамот- ныхъ.	Процентъ.
Въ 1867 г. на	103,604	9,504	9,
— 1868 — —	94,987	9,062	9 ₅
— 1869 — —	87,344	8,533	9 ₈

Возрастаніе процента грамотныхъ, надо полагать, пойдетъ бы-стрѣе, по мѣрѣ распространенія элементарныхъ школъ въ сословіяхъ, отбывающихъ рекрутскую повинность. Тѣмъ не менѣе, фактъ малограмотности остается во всей силѣ, и особенно становится поразительнымъ при сопоставленіи этихъ цифръ съ числомъ грамотныхъ, поступающихъ въ прусскую армию.

Въ Пруссіи, въ наборъ 1866—1867 года, изъ 99,716 рекрутовъ, грамотныхъ было 95,816, или 96,2% (*).

Такому громадному преимуществу передъ нами прусская армія обязана хорошей организаціи народныхъ школъ, развивавшихся въ теченіе столѣтій, на основаніяхъ установленныхъ Фридрихомъ Великимъ еще въ 1763 году; изданный имъ, немедленно послѣ окончанія семилѣтней войны, *общій училищный регламентъ* сдѣлалъ обязательнымъ первоначальное обученіе для *всѣхъ* прусскихъ подданныхъ (**).

Такимъ образомъ, много прошло времени, пока могла выработаться въ Пруссіи та стройная организація *одноклассной элементарной народной школы*, которая, распространяя медленно, но постоянно, здравое образованіе въ народѣ, рѣшительно повліяла на нравственное и матеріальное могущество прусскаго государства.

И нельзя не согласиться съ выраженнымъ мнѣніемъ Мольтке и фонъ-Роона, послѣ войны 1866 года (***), что хорошо организованная народная школа не могла не оказать вліянія на ту тактическую подготовку, которою прусская армія отличалась отъ двухъ своихъ соперницъ какъ въ войнѣ 1866 года, такъ и въ настоящей войнѣ съ Франціею; хотя, конечно, не въ одной грамотности, не въ одномъ только элементарномъ образованіи заключается вся тайна громкихъ побѣдъ Пруссіи.

Пока въ Россіи не разовьется грамотность въ народѣ, пока *начальное образованіе дѣтей не сдѣлается общимъ достояніемъ всѣхъ классовъ, всѣхъ сословій*, до тѣхъ поръ военному министерству предстоитъ изыскивать способы и давать средства для образованія, по возможности, наибольшей массѣ неграмотныхъ *молодыхъ солдатъ*. Развивая возможно-шире это важное дѣло, оно, съ одной стороны, облегчитъ образованіе хорошаго кадра унтеръ-офицеровъ, а съ другой будетъ давать готовыхъ даровыхъ учителей грамоты для народа.

Забота о распространеніи грамотности въ войскахъ обнаружилась съ особенною силою послѣ восточной войны и, спустя десять лѣтъ, на основаніи официальныхъ данныхъ о *числѣ умѣющихъ читать и писать*, получены были слѣдующіе результаты.

(*) Во Франціи грамотныхъ рекрутъ 75%, въ Англіи 85%.

(**) „О народномъ училищѣ“ Н. Весселя, въ журналѣ Минист. Народнаго Просвѣщ. стр. 912.

(***) Тамъ же. *Immediatbericht an des Königs Majestät, Berlin, den 27 August 1866.* „Армія вашего королевскаго величества, которая сражалась и победила, вся вышла изъ прусской народной школы и образовалась въ ней“.

По свѣдѣніямъ Главнаго Штаба за 1866, 1867 и 1868 годовъ (*):

	1866 г.	1867 г.	1868 г.
Общее количество нижнихъ чиновъ	697,000	680,000	656,000
<i>Въ томъ числѣ:</i>			
Знающихъ чтеніе и письмо	164,000	173,000	182,000
Знающихъ одно чтеніе	154,000	156,000	164,000
Неумѣющихъ читать и писать.	379,000	347,000	305,400
Сверхъ того, юнкеровъ и вольноопредѣляющихся	»	до 4,000	до 4,600

Въ общемъ числѣ разнаго рода войскъ считалось знающихъ *чтеніе и письмо*:

	1866 г. 1867 г. 1868 г. Проценты.		
1) Въ саперахъ	51	55	52
2) Въ резервныхъ баталіонахъ.	51	52	53
3) Въ шести резервныхъ артиллерійскихъ бригадахъ	50	45	47
4) Въ учебныхъ частяхъ.	50	45	45
5) Въ полевой артилеріи	35	37	37
6) Въ крѣпостной артилеріи	30	30	33
7) Въ 47 пѣхотныхъ дивизіяхъ	23	23	23
8) Въ 10 кавалерійскихъ дивизіяхъ	17	18	20
9) Въ семи резервныхъ кавалерійскихъ бригадахъ	13	16	23
10) Въ мѣстныхъ войскахъ.	17	19	20
Во всѣхъ частяхъ	24	25	28

Считаемъ необходимымъ оговориться, что въ рубригѣ *знающихъ чтеніе и письмо* весьма часто помѣщаются нижніе чины, едва постигнувшіе процессъ чтенія, но непонимающіе смысла читаемаго. Поэтому приведенныя цифры имѣютъ только относительную важность, и никакъ не могутъ быть мѣриломъ успѣховъ грамотности.

Впослѣдствіи мы это докажемъ, а теперь только можемъ за-

(*) Для краткости мы приняли круглыя цифры, а въ исчисленіи процентовъ отбросили дробныя доли, принявъ половину и болѣе за цѣлое; вольноопредѣляющіеся приняты въ расчетъ только въ 1866 году; въ общее исчисленіе войскъ не вошли: Туркестанской округѣ, Приморская область, корпусъ жандармовъ, главныя и окружныя военныя управленія, нестроевыя и равныя спеціальныя команды.

имѣть слѣдующую постепенность успѣховъ грамотности по разнымъ родамъ оружія:

а) Во всей арміи грамотныхъ около *одной четверти*.

б) Наибольшее число знающихъ читать и писать, какъ и слѣдовало ожидать, въ специальныхъ родахъ оружія и въ учебныхъ частяхъ, именно отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ (отъ 30 до 50%) и даже болѣе (въ саперахъ); всѣ эти войска, по числу, составляютъ около $\frac{1}{6}$ доли всей арміи.

в) Въ пѣхотѣ, или въ цѣлой половинѣ арміи, знаетъ читать и писать *одна четверть*.

г) Въ кавалеріи и въ мѣстныхъ войскахъ, составляющихъ *одну треть* арміи, число знающихъ чтеніе и письмо колеблется отъ $\frac{1}{7}$ до $\frac{1}{5}$ (отъ 15—20%).

Отбросивъ изъ общаго числа знающихъ читать и писать, въ пѣхотѣ и кавалеріи, всѣхъ унтеръ-офицеровъ, а равно вице-унтеръ-офицеровъ, обучающихся въ учебныхъ командахъ, мы найдемъ во всей массѣ этихъ главныхъ родовъ войскъ не болѣе 12% грамотныхъ рядовыхъ, или не *свыше* 10—12 рядовыхъ на роту и эскадронъ.

Несмотря на столь, повидимому, не особенно благоприятные выходы, нельзя не замѣтить значительныхъ успѣховъ въ дѣлѣ обученія войскъ чтенію и письму въ первое десятилѣтіе: армія, получая ежегодно отъ 80 до 90 тысячъ *неграмотныхъ* рекрутовъ, успѣла обучить съ 1857 по 1867 годъ отъ 160 до 180 тысячъ солдатъ, т. е. въ ней *ежегодно* *подготовлялось окончательно въ чтеніи и письмѣ около одной пятой доли неграмотныхъ рекрутовъ*.

Много употреблено было усилій на занятія грамотностью въ войскахъ; но всѣ усилія сталкивались съ важными препятствіями, постоянно затруднявшими успѣхъ полезнаго и вовсе не легкаго дѣла. Препятствія въ успѣхѣ грамотности постоянно происходили:

а) отъ недостатка хорошихъ учителей, вовсе незнакомыхъ или весьма мало знакомыхъ съ методами обученія;

б) отъ недостаточности и неопредѣленности средствъ;

в) отъ несоответственнаго выбора или отсутствія учебныхъ пособій и книгъ для чтенія;

г) отъ неустановившихся взглядовъ на значеніе грамотности и отъ неимѣнія на этотъ предметъ специальныхъ постановленій;

д) вслѣдствіе этого, отъ самихъ войсковыхъ начальниковъ, иногда видѣвшихъ, въ попыткахъ образовывать солдата, непрактичную, идеальную и безцѣльную шѣру: отсюда преобладаніе показной, формальной стороны такого дѣла, успѣха котораго не могутъ быть измѣряемы одними числовыми указаніями обученныхъ чтенію и письму.

Кромѣ этихъ, весьма важныхъ, причинъ, успѣхъ занятій грамотою обуславливался еще: а) занятіями по службѣ, б) на параулахъ, в) работами и г) постоемъ на широкихъ квартирахъ.

Взвѣсивъ всѣ такія затрудненія и руководясь лишь числовыми показаніями, нельзя не признать известной доли успѣха, съ которымъ развивалась грамотность послѣ восточной войны; къ тому же плоды успѣховъ мы видимъ въ инструкціи, установившей опредѣленный характеръ *учебныхъ командъ* или *полковыхъ школъ*, которыя должны давать войскамъ грамотныхъ, достаточно развитыхъ и, главное, хорошо знакомыхъ съ своими обязанностями унтеръ-офицеровъ. Выполнить эту задачу учебнымъ командамъ тѣмъ легче, чѣмъ успѣшнѣе будетъ идти грамотность въ войскахъ, чѣмъ *основательнѣе будетъ подготовка въ грамоту поступающихъ*. Тогда только дѣятельность учебныхъ командъ, пройдя рядъ опытовъ, при нѣкоторыхъ усовершенствованіяхъ устройства, давая учителя грамотныхъ, можетъ, въ свою очередь, плодотворно отозваться и на грамотности въ войскахъ вообще; слѣдовательно, для завершения начатаго дѣла, чтобы команды легко достигали полныхъ результатовъ, необходимо рѣшить вопросъ: *могутъ ли успѣшно идти занятія грамотою при той постановкѣ, какая имъ дана въ § 47 Инструкціи?*

Мы выставили этотъ вопросъ потому, что не можемъ признать достаточныхъ успѣховъ въ грамотности, если смотрѣть на нее не какъ на кое-какое умѣнье читать, а какъ на *средство умственнаго развитія*, которое только и можетъ быть мѣриломъ успѣховъ, и надѣемся подтвердить фактами, что грамотность не дастъ большихъ успѣховъ, пока не будутъ устранены упомянутыя выше затрудненія, о которыхъ развиваются самыя лучшія намѣренія.

Инструкція, объявленная по военному вѣдомству 20-го іюля 1867 года, завершивъ организацію учебныхъ командъ, давъ опредѣленные основанія на устройство и нѣкоторыя средства на учебныя пособія, оставила вопросъ о грамотности, по нашему мнѣнію, какъ бы незаконченнымъ: она дѣлаетъ грамотность обязательною для *всѣхъ нижнихъ чиновъ*, возлагая занятія ея въ ротахъ, эскадронахъ и батальонахъ на *обязанность унтеръ-офицеровъ, вице унтеръ-офицеровъ и наиболее твердыхъ въ грамоту рядовыхъ*, подъ наблюденіемъ офицеровъ и общимъ надзоромъ ближайшихъ командировъ (*).

Но могутъ ли команды давать хорошихъ *учителей грамотности*, если сами будутъ принимать малограмотныхъ? какимъ образомъ

(*) Инструкція § 47.

вести занятія въ ротахъ и эскадронахъ? чему и какъ учить? возможно ли обучать *всѣхъ нижнихъ чиновъ*? Все это остается неразрѣшеннымъ и вовсе невыясненнымъ.

Путемъ историческихъ изслѣдованій и разборомъ фактовъ, взятыхъ изъ практики самихъ войскъ, мы намѣрены доказать, что *одни полковыя школы* (учебныя команды), *даже снабженныя опытными преподавателями—офицерами и надлежащимъ выборомъ учебнаго матеріала, не могутъ завершить мелкое дѣло обученія грамотности*; что ихъ успѣхъ обуславливается подготовкою поступающихъ рядовыхъ изъ ротъ и эскадроновъ; что, слѣдовательно, кромѣ завершения устройства полковыхъ школъ, надобно употребить рядъ новыхъ усилій и соответственныхъ мѣръ для правильной постановки въ войскахъ *первоначальнаго образованія*, какъ первой ступени дальнѣйшаго обученія и развитія. Народныя школы у насъ едва зарождаются; многія условія, и прежде всего недостатокъ хорошихъ учителей, препятствуютъ ихъ распространенію, и потому намъ долго придется ожидать, пока, по числу грамотныхъ рекрутовъ, наша армія сравняется съ лучшими европейскими арміями, а въ ожиданіи такого успѣха отъ народной элементарной школы, намъ нельзя не обратиться къ рѣшительнымъ мѣрамъ—къ устройству *начальной однокласной школы* въ самихъ войскахъ—и тѣмъ закончить начинанія по воспитанію и образованію нашей арміи въ мирное время. Эти труды мирнаго времени не останутся безплодными и для общаго государственнаго дѣла: давая ежегодно до 80,000 грамотныхъ безсрочно—отпускныхъ, наша армія мало по малу, но замѣтно, увеличитъ средства для образованія народа; она можетъ давать около $\frac{1}{4}$ процента грамотныхъ людей на всѣ сословія, обязанная рекрутскою повинностью.

Обращаясь къ прошедшему, испытанному времени, мы видимъ два періода, замѣтно отдѣляемые одинъ отъ другаго 1867 годомъ.

Начиная съ восточной войны, съ 1857 года, вмѣстѣ съ реформами, улучшающими бытъ солдата и измѣняющими самый взглядъ на службу, замѣчается рядъ частныхъ мѣръ какъ по обученію солдатъ грамотѣ, такъ и по устройству двойнаго рода школъ: однихъ—для распространенія грамотности, другихъ—для подготовленія унтеръ-офицеровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ военномъ министерствѣ идетъ разработка *инструкціи для спеціальной образованія въ войскахъ строевыхъ и нестроевыхъ нижнихъ чиновъ*, законченная въ 1867 году.

Съ этого года, частныя, болѣе или менѣе распространенныя, мѣ-

ры дѣлаются общими достояніемъ всей арміи и начинается новый періодъ въ дѣлѣ обученія, обогащенный трудами военной литературы («Военнаго Сборника» и «Русскаго Инвалида»), которая, будучи отголоскомъ потребностей войскъ и указавъ въ разное время на ходъ и развитіе первоначально-устроенныхъ школъ, помогла устроиться учебнымъ командамъ и опредѣлила существенные недостатки въ дѣлѣ развитія грамоты.

Разсмотрѣвъ историческимъ путемъ, въ общей совокупности, весь процессъ развитія грамотности въ арміи и разобравъ основныя начала устройства полковыхъ школъ, выраженные въ разныхъ проектахъ, мы перейдемъ къ сравненію нашихъ учебныхъ командъ съ подобными школами для образованія унтеръ-офицеровъ въ иностранныхъ арміяхъ; затѣмъ, по указанію изслѣдованныхъ нами современныхъ фактовъ, постараемся формулировать общія основанія для дальнѣйшаго развитія грамотности въ нашей арміи и, сколько возможно, указать мѣры для болѣе прочной ея постановки.

Твердую и правильную, педагогическую, постановку учебнаго дѣла въ нашей арміи мы считаемъ положительною необходимою по двумъ причинамъ: первая—*грамотность должна быть существенною принадлежностію воспитанія войскъ въ мирное время до тѣхъ поръ, пока большая часть рекрутовъ будутъ поступать неграмотными*, и вторая—*безъ элементарныхъ началъ образованія, хотя бы и поздно начатаго, не можетъ быть успѣха ни въ какой профессіи, требующей умственного развитія и выходящей изъ ряда механической рутинны.*

Мы не скрываемъ трудности нашей задачи, и если рѣшаемся высказать свой взглядъ, то единственно въ виду важности того дѣла, которому охотно готовъ служить каждый, имѣвшій возможность къ нему приблизиться или опытомъ, или личными наблюденіями.

II.

Первоначальные опыты надъ обученіемъ грамотѣ въ войскахъ.—Появленіе школъ для распространенія грамотности и для приготовленія унтеръ-офицеровъ.—Обзоръ разныхъ проектовъ полковыхъ школъ.—Результаты, достигнутые въ грамотности и въ полковыхъ школахъ.

Десятилѣтній (1857—1867) періодъ, слѣдовавшій за восточною войною, ознаменованъ важными военными реформами, радикально измѣнившими общественный и частный бытъ солдатъ, распространивъ между ними болѣе любви и уваженія къ своему званію. Сокращеніе сроковъ службы, уничтоженіе тѣлеснаго наказанія, съ измѣненіемъ всей системы наказаній, упрощеніе способовъ обученія рекрутовъ

и значительныя перемѣны въ самой службѣ войскъ—всѣ эти и другія мѣры открыли новую эпоху въ нашей арміи и, слѣдуя быстрымъ потокомъ, возбудили стремленіе къ индивидуальному развитію солдата, который, оставаясь тою же грубой силой, сталъ нуждаться въ образованіи, для сознательнаго и толковаго несенія службы и пониманія обращаться съ новымъ, все болѣе и болѣе улучшающимся оружіемъ.

Необходимымъ слѣдствіемъ такого возбужденія, глубоко прочувствованнаго въ трудную эпоху восточной войны, были мѣры, предпріятыя въ войскахъ для обученія солдатъ грамотѣ.

На основаніи, Высочайше утвержденнаго въ 30-й день января 1855 года, *наставленія для обученія пѣхоты стрѣльбѣ въ цѣль*, стали въ пѣхотѣ, съ 1857 года, устраиваться школы не для одной этой непосредственной цѣли, но и для обученія грамотѣ, которая скоро дѣлается предметомъ особенныхъ заботъ всѣхъ воинскихъ начальниковъ.

Передовыми двигателями грамотности были гвардейскій и гренадерскій корпуса. Почти одновременно съ ними, съ 1857 и 1858 годовъ, начинается обученіе грамотѣ и во многихъ частяхъ арміи, въ разнаго рода школахъ, существовавшихъ на различныхъ данныхъ, приуроченныхъ къ мѣстнымъ условіямъ.

Въ статьяхъ «Военнаго Сборника», который, съ первыхъ дней своего появленія, всегда сочувственно относился къ дѣлу грамотности, посвящая многія страницы разработкѣ тѣхъ мѣръ и постановленій, какія предпринимались для образованія нашей арміи, уже въ 1858 году говорилось о большомъ усердіи солдатъ въ дѣлѣ первоначальнаго обученія, которое потому и «ведется съ успѣхомъ, безъ малѣйшаго принужденія и даже безъ назначенія для этого рода занятій особыхъ часовъ» (*).

Предполагая найти въ каждой ротѣ около одной десятой нижнихъ чиновъ, умѣющихъ читать и писать, *одни* думали, что если назначить этихъ людей учителями и дать каждому по десяти неграмотныхъ, *то можно легко, посредствомъ взаимнаго обученія, распространить грамотность во всей арміи*. Офицерамъ полагали предоставить общій надзоръ за успѣхами ввѣренныхъ имъ чиновъ, обязавъ ихъ дѣлать періодическія повѣрки въ чтеніи, письмѣ, счисленіи, выкладкахъ на счетахъ. Достиженіе цѣли, разрѣшеніе такой сложной задачи, въ то время казалось тѣмъ болѣе легкимъ, что сол-

(*). «Военный Сборникъ» 1858 г. т. I, статья М. «О пользѣ обученія грамотѣ всей массы русскихъ войскъ».

дать часы отдыха отъ служебныхъ занятій, въ деревняхъ, на зимнихъ квартирахъ, съ удовольствіемъ готовъ употреблять на полезное чтеніе, которое спасетъ его отъ праздности.

Въ противоположность такой гуманной увѣренности и надежды въ легкомъ успѣхѣ, *другіе*, не отвергая въ принципѣ пользы занятій грамотою, не кое-какъ для достиженія процесса чтенія, но разумно, послѣдовательно, находили, что, *напротивъ, обученіе грамотѣ всей массы русскихъ войскъ дѣло вовсе не такъ легкое*. Если въ ротѣ и найдете одна десятая часть умѣющихъ читать, то они, говорилось, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть учителями (*). Обучить грамотѣ, по ихъ мнѣнію, невозможно въ одну зиму даже при самомъ живѣйшемъ участіи и дѣятельныхъ трудахъ офицеровъ, особенно при тѣхъ условіяхъ квартирнаго расположенія по деревнямъ, въ которыхъ находятся армейская пѣхота и кавалерія.

Дѣйствительно, скоро почувствовалась справедливость послѣдняго взгляда. Отчеты хотя иногда показывали значительное число грамотныхъ, доходившее, напримѣръ, въ гвардіи въ 1861 году до 60%, но это были очевидныя натяжки: грамотнымъ считали всякаго, кто начиналъ постигать только азбуку, или, читая какъ гоголевскій Петрушка, не понималъ смысла читаемаго. Въ дѣлѣ обученія грамотности, уже въ самомъ началѣ, обнаружилось отсутствіе общей руководящей системы, не было замѣтно приложенія къ практикѣ общихъ началъ педагогической науки; самое значеніе грамотности, какъ первоначальнаго умственного образованія нижнихъ чиновъ, оставалось какъ-бы неразрѣшеннымъ, спорнымъ; унтеръ-офицеры были вовсе неприготовлены для занятій обученіемъ чтенію и письму; офицеры же этимъ дѣломъ занимались мало, и если иные имѣли охоту, то имъ не доставало умѣнья довести до конца начатое съ успѣхомъ обученіе. При неопредѣленности средствъ на учебныя пособія, чувствовался недостатокъ умѣнья выбрать книги полезныя для чтенія солдатъ, и недостатокъ въ книгахъ полезныхъ для чтенія солдатъ часто приписывали неудовлетворительность успѣховъ въ грамотѣ болѣе, чѣмъ отсутствію хорошихъ приемовъ обученія грамотѣ людей взрослыхъ, мало развитыхъ и не одинаково одаренныхъ способностями. Зачѣмъ, многіе повторяли, обучать грамотѣ, если нѣтъ книгъ дешевыхъ, занимательныхъ, поучительныхъ и доступныхъ по своему содержанию?

Такимъ образомъ, въ началѣ 60-хъ годовъ, т. е. спустя пять лѣтъ послѣ введенія грамоты въ войскахъ, въ тѣхъ же самыхъ ча-

(*) „Воен. Сборн. 1859 г. т. 7 ст. Н. И. стр. 91.

стяхъ, гдѣ былъ сдѣланъ починъ грамотности, уже сознавали, «что дѣло, начатое съ такимъ увлеченіемъ, подвигается впередъ какъ-то вяло, медленно и неохотно» (*).

Разработкѣ вопроса особенно вредило показываніе въ глазахъ начальства возможно-большаго числа грамотныхъ по отчетамъ и на инспекторскихъ смотрахъ; тутъ какъ бы совершенно забывалось, что успѣшность дѣла зависитъ не отъ количества названныхъ грамотными, читавшихъ только по своей книжкѣ, но отъ качества пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, отъ сознательнаго прочтенія, чѣмъ только и могло измѣряться умственное развитіе обученныхъ чтенію. Сравнительныя вѣдомости, служившія нерѣдко главнымъ средствомъ офинки успѣховъ по ротамъ и полкамъ, порождали только излишнюю торопливость въ обученіи грамотѣ тѣми, на обязанности которыхъ лежалъ весь этотъ копотливый трудъ, требующій осторожности и вниманія; многіе старались не о томъ, чтобы дать десятокъ твердо и хорошо обученныхъ грамотѣ, а, напротивъ, думали удивить массою *кажущихся грамотными*... И въ то время, когда эта масса едва успѣвала овладѣть процесомъ чтенія, по странному ослабленію, изыскивались средства для обученія ихъ отечественной исторіи и географіи Россіи, выписывались карты, глобусы и атласы; желали обучать правиламъ грамматики неумѣвшихъ связать простаго предложенія и едва приступавшихъ къ письму!....

Такимъ образомъ, начальный періодъ распространенія грамотности обнаружилъ какое-то лихорадочное увлеченіе; грамотность, какъ средство развитія, принимали за самую цѣль и, не имѣя специальныхъ указаній, безъ хорошихъ учителей и здороваго учебнаго матеріала, блуждали между крайностями, теряя энергію при встрѣчѣ съ серьезными трудностями.

Въ періодъ первоначальнаго распространенія грамотности, возникали въ войскахъ разнаго рода школы и «сборныя команды», независимо, или въ замѣну тѣхъ учебныхъ командъ образованіе которыхъ опредѣлено въ III части Свода Военныхъ Постановленій.

Мы здѣсь не касаемся школъ и командъ для образованія юнкеровъ и вольноопредѣляющихся: этотъ вопросъ уже разрѣшенъ Положеніемъ о юнкерскихъ училищахъ, и заведенія эти, устроенныя во всѣхъ округахъ, уже успѣли дать арміи въ теченіе шести лѣтъ до 3,000 офицеровъ.

Наша цѣль—прослѣдить постепенность развитія тѣхъ войсковыхъ

(*) „Воен. Сборн“. 1863 г. т. 29. статья В. Брамта: „Грамотность и ея развитіе между нижними чинами“.

школы, для которыхъ, до 1867 года, не имѣлось спеціальнаго постановленія, и устройство которыхъ опредѣлялось слѣдующими главными потребностями:

- 1) распространять начальное образованіе въ массѣ нижнихъ чиновъ;
- 2) подготавливать учителей для резервныхъ баталіоновъ и эскадроновъ
- и 3) обезпечить комплектованіе унтеръ-офицеровъ людьми достаточно подготовленными.

Составъ и средства воѣхъ этихъ школъ были различны и опредѣлялись мѣстными условіями и особыми распоряженіями начальниковъ частей войскъ (*).

(*) Подробное устройство ихъ можно видѣть въ „Военномъ Сборникѣ“ за 1862 г. т. 25-й въ статьѣ „Школы и учебныя команды въ арміи“ стр. 345—366. Мы опускаемъ школы и команды для юнкеровъ и вольноопредѣляющихся, а равно сейсверкерскія школы.

Въ началѣ 60-хъ годовъ мы находимъ:

Въ 1-мъ корпусѣ: школы для распространенія грамотности въ роткахъ, эскадронахъ и батареяхъ.

Въ 5-мъ корпусѣ: школы при ротныхъ дворахъ и дивизионныя стрѣлковыя школы, по 100 стрѣлковъ изъ каждой дивизіи.

Въ 4-мъ корпусѣ: въ 11-й дивизіи полковыя школы для обученія грамотѣ, въ каждой по 3 человѣка изъ роты; жалонерная команда при дивизіи въ 124 человѣка. Въ 12-й дивизіи: полковыя школы для приготовленія унтеръ-офицеровъ и учителей для ротныхъ школъ, въ каждой по 4 рядовыхъ изъ роты, при 4 унтеръ-офицерахъ.

Въ 5-мъ корпусѣ: обученіе грамотѣ въ капральствахъ, ротныхъ школы, въ каждой по 20 человѣкъ, для обученія грамотѣ; батарейныя и парковыя школы грамотности по 25 до 40 учениковъ.

Въ 6-мъ корпусѣ: Въ 16-й дивизіи сборы учебныхъ командъ при баталіонныхъ штабахъ и ротныхъ дворахъ для обученія грамотѣ, въ первыхъ по 10 унтеръ-офицеровъ и по 80 рядовыхъ, въ послѣднихъ по 20 рядовыхъ; полковыя школы по 1 унтеръ-офицеру и по 2 рядовыхъ изъ роты (15 унтеръ-офицеровъ и 30 рядовыхъ) для приготовленія ихъ въ высшія и унтеръ-офицерскія должности; въ некоторыхъ полкахъ къ этимъ школамъ присоединяли жалонерныя и учебныя команды.

Въ гренадерскомъ корпусѣ: а) команды при ротныхъ дворахъ, собираемыя въ неопредѣленномъ числѣ для обученія грамотѣ; б) унтеръ-офицерскія школы и в) батарейныя и парковыя школы и команды грамотности въ артилеріи; г) полковыя команды для приготовленія нижнихъ чиновъ къ занятію селѣебельскихъ, вахмистрскихъ и унтеръ-офицерскихъ должностей по одному унтеръ-офицеру и по два рядовыхъ съ каждой роты и эскадрона (въ пѣхотномъ полку 45 учениковъ, въ кавалерійскомъ 15).

Въ Сибирскомъ корпусѣ: баталіонныя школы, устроенныя еще въ 1828 году; батарейныя, ротныя, полуротныя и четверть-ротныя, для распространенія грамотности (по 40, 20 и 10 учениковъ).

Въ войскахъ Финляндіи баталіонныя школы въ линейныхъ баталіонахъ, для распространенія грамоты.

Въ корпусѣ внутренней стражи, въ 47 баталіонахъ и 2 полубаталіонахъ, съ

Войсковыя школы для нижнихъ чиновъ, устроенныя съ 1857 до 1858 года въ войскахъ гвардіи и арміи, могутъ быть раздѣлены на двѣ главныя группы:

1) *Низшія школы для распространенія грамотности* (ротныя, эскадронныя и батарейныя), иногда называемыя *командами грамотныхъ*; въ сущности это были элементарныя школы для первоначальнаго обученія чтенію и письму, иногда ариметикѣ, молитвамъ и обязанностямъ нижнихъ чиновъ.

2) *Высшія или полковыя школы* для приготовленія унтеръ-офицеровъ и должностныхъ, а иногда и для приготовленія учителей грамотности для занятій въ ротныхъ школахъ; онѣ обнимали, кромѣ продолженія предметовъ начальнаго обученія, цѣлую серію спеціальныхъ свѣдѣній.

Постоянныя школы корпуса внутренней стражи были тѣ же низшія элементарныя школы, какъ и ротныя школы или команды грамотныхъ.

Учебныя и жаламерныя команды гренадерскаго корпуса, по цѣли обученія, были одинаковы съ полковыми школами.

Дивизионныя стрѣлковыя школы 3-го корпуса были спеціальными школами для образованія хорошихъ стрѣлковъ.

Нѣкоторыя изъ ротныхъ школъ были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и подготовительными для полковыхъ школъ, гдѣ таковыя уже существовали; въ эти школы должны были поступать наиболѣе успѣвшіе въ грамотѣ и лучшіе въ другихъ отношеніяхъ рядовые. Батарейныя школы были подготовительными для фейерверкерскихъ школъ, которыя, въ то время, существовали во всей артилеріи и имѣли опредѣленную организацію.

Устройство этихъ двухъ главныхъ группъ школъ, въ общихъ чертахъ, было слѣдующее:

а) *Низшія школы для распространенія грамотности.*

Въ школѣ состояло отъ 20 до 30 рядовыхъ; иногда, какъ въ 5-мъ корпусѣ, поступали въ эти школы и кандидаты на унтеръ-офицерскія должности.

Въ нихъ обучали: *первымъ началамъ закона Божія, чтенію, письму и изъ ариметики четырема дѣйствіямъ*. Выученныхъ

1858 года были учреждены *постоянныя школы* для распространенія грамотности; отъ каждой роты, для обученія, называлось по 20—25 рядовыхъ и всѣ неграмотные унтеръ-офицеры, недостигнувшіе двадцатилѣтней службы.

Наконецъ, въ *гвардейскомъ корпусѣ* были ротныя, эскадронныя и батарейныя школы для распространенія грамотности и *полковыя школы* для приготовленія унтеръ-офицеровъ изъ рядовыхъ, обученныхъ чтенію и письму.

письму занимали *составленіемъ бумагъ*, относящихся до служебныхъ обязанностей нижнихъ чиновъ (въ 5-мъ корпусѣ), или *обязанностями нижнихъ чиновъ* (въ школахъ внутренней стражи). Нерѣдко все обученіе элементарныхъ школахъ ограничивалось чтеніемъ и письмомъ.

Занятія въ школахъ бывали постоянныя, съ 1-го октября по 1-е апрѣля, какъ въ 5-мъ корпусѣ, или случайныя, когда ученики собирались въ неопредѣленномъ числѣ при ротныхъ дворахъ, какъ въ гренадерскомъ корпусѣ.

Обученіе въ каждой школѣ 5-го корпуса возложено было на *особаю офицера* съ помощниками, на каждые десять человекъ, или оно производилось унтеръ-офицерами и нижними чинами, *подъ наблюденіемъ* офицера.

На учебныя пособія и класные матеріалы не было опредѣленныхъ средствъ и деньги расходовались изъ различныхъ источниковъ. Въ школахъ (бывшей 1-й арміи) 1-го, 2-го и 3-го армейскихъ корпусовъ отпускалось по 5 рублей въ годъ на каждую изъ *интендантства 1-й арміи*; кромѣ того, въ 3-мъ корпусѣ назначено было еще по 10 рублей *изъ экономическихъ солдатскихъ суммъ*. Нѣсколько большія учебныя средства имѣли ротныя школы при стрѣлковыхъ баталіонахъ, около 20 рублей. Въ 5-мъ корпусѣ расходовалось изъ *экономическихъ съѣстныхъ суммъ* на линейную роту 36 рублей, на стрѣлковую 48 рублей. Въ корпусѣ внутренней стражи отпускалось по 20 рублей изъ *процентовъ отъ запасныхъ харчевыхъ суммъ*.

При расположеніи по квартирамъ, для ротныхъ школъ отводились особые обывательскіе дома; въ томъ же селеніи размѣщались всѣ обучающіеся, довольствуясь провіантомъ отъ казны и приваркомъ съ квартиръ отъ жителей. Отопленіе и освѣщеніе школъ производилось отъ земства.

При совокупномъ расположеніи баталіоновъ, въ 5-мъ корпусѣ иногда устраивалась, вмѣстѣ ротныхъ, одна *баталіонная школа*, на 80 человекъ.

Общій надзоръ за ходомъ обученія въ пизнихъ школахъ, кромѣ непосредственныхъ начальниковъ, возлагался иногда на начальниковъ дивизионныхъ штабовъ.

Методы обученія были разнообразны и зависѣли отъ усмотрѣнія начальниковъ частей или обучающихъ офицеровъ. Въ большинствѣ школъ чтенію обучали по аналитическому методу Золотова.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ (въ 5-мъ корпусѣ), въ концѣ курса, во время баталіонныхъ сборовъ, производилась повѣрка занятій посредствомъ экзаменовъ въ комисіи изъ ротныхъ командировъ и обу-

чающихъ офицеровъ, подъ предѣлительствомъ баталіонныхъ командировъ.

б) Высшія или полковыя школы.

Численный составъ этихъ школъ былъ неодинаковъ: обыкновенно назначалось по 2, 3, 4 и 5 рядовыхъ и унтеръ-офицеровъ изъ каждой роты, или по 3 и 4 отъ каждаго эскадрона; слѣдовательно, въ полковыхъ школахъ пѣхотныхъ было 30, 45, 60 или 75 человекъ, въ кавалерійскихъ отъ 15 до 20 человекъ.

Предметы обученія не имѣли опредѣленнаго состава, одинаковаго во всѣхъ полковыхъ школахъ.

Въ гвардейскомъ корпусѣ.

1) Законъ Божій; 2) чтеніе съ разсказомъ; 3) письмо подъ диктовку; 4) составленіе должностныхъ бумагъ; 5) ариметика: четыре дѣйствія надъ цѣлыми, дробными и именованными числами; 6) обращеніе съ оружіемъ, сборка, разборка, чистка и сбереженіе; 7) теорія стрѣльбы (въ пѣхотѣ и у драгуновъ); 8) глазомѣрное опредѣленіе разстояній; 9) гарнизонная служба (главы I, II и III); 10) полевая служба (шѣры предосторожности); 11) гимнастика и фехтованіе. *Кромь того требовалось объясненіе:* 12) краткаго граматическаго разбора; 13) внутренней службы; 14) извлеченія изъ уголовныхъ законовъ.

Въ 4-мъ корпусѣ (въ 12-й дивизіи).

1) Законъ Божій; 2) чтеніе; 3) чистописаніе, съ объясненіемъ правилъ грамматики; 4) ариметика; 5) обращеніе съ оружіемъ и приготовленіе патроновъ; 6) теорія стрѣльбы; 7) воинскій уставъ; 8) гимнастика; 9) фехтованіе. *Кромь того:* 10) объясненіе правилъ грамматики; 11) рѣшеніе тактическихъ задачъ.

Въ гренадерскомъ корпусѣ.

1) Законъ Божій; 2) чтеніе; 3) правописаніе; 4) письмоводство; 5) ариметика: четыре дѣйствія надъ простыми и именованными числами; 6) курсъ ручнаго огнестрѣльнаго оружія, какъ въ центральной офицерской школѣ; 7) литье пуль и приготовленіе патроновъ; 8) воинскій уставъ, особенно равсыпной строй; 9) гарнизонная служба; 10) полковая служба; 11) положеніе о воинскихъ чинахъ.

Примѣчанія: 1). Въ полковыхъ школахъ 11-й и 16-й дивизій проходило то же, что и въ ротныхъ школахъ, и сверхъ того въ 11-й дивизіи начальными основанія грамматики.

2) Въ малочисленныхъ командахъ почти то же, что въ полковыхъ школахъ 12-й дивизіи.

Курсъ обученія въ полковыхъ школахъ продолжался съ 1-го ок-

тября по 1-е мая; ежедневно занимались въ классахъ: въ пѣхотныхъ школахъ отъ 3¼, до 4 часовъ, въ кавалерійскихъ отъ 1½ до 2.

Отъ поступающихъ въ школы, въ гвардейскомъ корпусѣ (*) требовалось, по экзамену, знаніе грамоты (чтеніе и письмо); обучающіеся, оставаясь въ ротахъ, были освобождены отъ карауловъ, дежурствъ и работъ.

Курсъ обученія продолжался одинъ годъ или два года. Въ школахъ 12-й дивизіи было два класса; преподаваніемъ занимались священникъ, три офицера, изъ нихъ одинъ завѣдывавшій въ полку оружіемъ, и полковой аудиторъ. Такое же число преподавателей было въ школахъ гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ и въ 16-й дивизіи. Кроме того, въ нѣкоторыхъ частяхъ были назначаемы учителя гимнастики и фехтованія, избираемые въ гвардейскомъ корпусѣ изъ числа унтеръ-офицеровъ, бывшихъ въ гимнастическомъ и фехтовальномъ кадрахъ или въ вольтижерской командѣ.

По окончаніи курса, въ апрѣлѣ или въ маѣ, производились выпускные экзамены въ комисіи, въ присутствіи ротныхъ или эскадронныхъ командировъ.

На учебныя пособія и письменныя принадлежности употреблялись экономическія суммы въ различныхъ размѣрахъ, отъ 25 до 50 рублей въ годъ. Тотъ же источникъ служилъ для первоначальнаго обзаведенія школъ, и на это расходовалось, напримѣръ въ 12-й дивизіи, по 1 рублю на человѣка (64 рубля).

Если полкъ не располагался въ казармахъ, то полковая школа помѣщалась въ наемномъ домѣ, или помѣщеніе отводилось отъ земства. Отопленіе, освѣщеніе и содержаніе школъ 12-й дивизіи стоило каждому полку около 140 рублей, которые иногда платили полковые командиры изъ своихъ собственныхъ денегъ (**).

Остается замѣтить, что школы артилерійскаго вѣдомства были лучше обеспечены въ матеріальныхъ средствахъ: на батарейныя школы 4-го корпуса расходовалось изъ экономическихъ суммъ по 100 — 125 рублей, а фейерверкерскія школы содержались изъ суммъ артилерійскаго департамента.

Изъ разбора всѣхъ данныхъ объ устройствѣ первоначальныхъ школъ въ пѣхотѣ и кавалеріи видно, что, въ началѣ 60-хъ годовъ, наиболѣе полную, хотя далеко незаконченную организацію, имѣли школы для грамотности (ротныя и эскадронныя) въ 5-мъ корпусѣ,

(*) Приказъ по отдѣльному гвардейскому корпусу 20 марта 1861 г. № 43.

(**) См. „Воен. Сбор.“ 1862 г. т. 25.

а полковья, для приготовленія унтеръ-офицеровъ, въ гвардіи и въ 12-й дивизіи.

Слѣдуя, въ дальнѣйшемъ развитіи вопроса о школахъ, историческому порядку, замѣчаемъ, что нившія, начальныя школы въ войскахъ, предназначенныя быть рассадниками грамотности, мало по малу какъ бы теряютъ почву и даже совершенно исчезаютъ, несмотря на ихъ очевидное значеніе, какъ первоначальной ступени умственного развитія и какъ единственнаго прочнаго средства для доставленія грамотныхъ людей въ полковья школы.

Дѣйствительно, въ инструкціи, опредѣлившей устройство учебныхъ командъ, взаимнъ полковыхъ школъ, не упоминается о ротныхъ и эскадронныхъ школахъ и это явленіе кажется тѣмъ болѣе страннымъ, что взглядъ на необходимость обученія грамотѣ нижнихъ чиновъ нигде не измѣнился; на грамотность продолжали обращать прежнее напряженное вниманіе и войсковые начальники, и военное министерство, и литература.

Совершенно иное происходить съ *полковыми школами*, имѣющими цѣль болѣе близкую, такъ-сказать, осязательную, обязанными готовить унтеръ-офицеровъ грамотныхъ и знающихъ свою професію. При общемъ сознаніи ихъ важнаго значенія, при крайней необходимости въ образованіи хорошаго кадра унтеръ-офицеровъ, постепенно расширялись взгляды и устанавливались тѣ общія начала, на которыхъ построены эти профессиональныя школы, извѣстныя теперь подъ именемъ *учебныхъ командъ*.

Положеніе арміи становилось лучшимъ по мѣрѣ развитія реформъ, имѣвшихъ въ виду поднятіе нравственнаго духа солдатъ; хорошее съ ними обращеніе, прекращеніе сдачи въ рекруты порочныхъ людей, особенно же уничтоженіе тѣлеснаго наказанія (*), какъ нельзя болѣе способствовали этому прогресу.

Отъ унтеръ-офицеровъ уже нельзя было требовать одного слѣпого исполненія обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ внутреннею службою. Но какъ большинство ихъ, по умственному развитію, весьма мало или ничѣмъ не отличались отъ рядовыхъ, то нельзя было не придти къ необходимости поставить унтеръ-офицеровъ выше рядовыхъ не одними перуными отличіями и орденами, но преимущественно превосходствомъ нравственнаго и умственнаго развитія, достигаемаго образованіемъ. Необходимо было добиваться, съ измѣненіемъ системы наказаній, чтобъ унтеръ-офицеръ не только могъ разумно выполнить свои обязанности, но и руководить молодымъ сол-

(*) Приказъ военнаго министра 17 апрѣля 1863 года.

датомъ добрымъ совѣтомъ и разумнымъ словомъ, представляя нравственное и умственное передъ нимъ превосходство. Не подлежало также сомнѣнію, что унтеръ-офицеры не могли быть полезными учителями грамоты, если сами не были хорошо ей обучены.

Исходя изъ основанія, что для арміи нужны не только разумные и расторопные унтеръ-офицеры, но и *учители* для ротныхъ школъ, но мѣрѣ развитія первоначально устроенныхъ полковыхъ школъ, утверждалась мысль, кажется выраженная впервые въ приказѣ по гвардейскому корпусу, о производствѣ въ унтеръ-офицеры рядовыхъ *подготовленныхъ въ полковыхъ школахъ*, которыя должны были не только дать специальное знакомство съ предметами служебныхъ и строевыхъ обязанностей, но и научить грамотѣ (*).

Организація полковыхъ школъ, будучи предметомъ ясно сознательной потребности, развиваясь постепенно съ 1860 года, окончательно выражена въ инструкціи, для всѣхъ войскъ обязательной. Матеріаломъ для инструкціи служили не только опыты въ полковыхъ школахъ гвардейскаго корпуса и пѣхотныхъ частей арміи, но и разные проекты, появившіеся на страницахъ «Военнаго Сборника», и особенно *Положеніе о полковой школѣ*, изданное въ 1865 году для войскъ Харьковскаго военнаго округа (**).

Мы здѣсь не станемъ входить въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ проектовъ, въ свое время оцѣненныхъ, но остановимся только на тѣхъ сторонахъ предложенной въ разное время организаціи полковыхъ школъ, которыя или послужили основаніемъ инструкціи, или представляли особый интересъ по своему значенію, хотя и были впоследствии отвергнуты.

Первый проектъ появился въ «Военномъ Сборникѣ» въ статьѣ «Грамотность въ войскахъ». Авторъ ея хотя и задался весьма широкими цѣлями, тѣмъ не менѣе въ его проектѣ видны хорошо обдуманная основанія, не лишеныя значенія при послѣдующемъ развитіи школъ (***).

Разсмотримъ эти основанія, дополнивъ ихъ послѣдующими предложеніями другихъ проектовъ (****).

(*) Приказъ 20 марта 1861 года № 43: «не представлять въ унтеръ-офицеры *высшихъ чиновъ*, не окончившихъ образованія въ полковыхъ школахъ».

(**) Разработкѣ этого Положенія, вѣроятно, немало способствовало устройство полковыхъ школъ 12-й дивизіи, вошедшей въ составъ полевыхъ войскъ этого округа.

(***) «Военный Сборникъ 1860 томъ 15. „Грамотность въ войскахъ“ С. В-ч-кій.

(****) Въ «Военномъ Сборникѣ» 1863 г. т. 29: «Грамотность и ея развитіе между *низшими чинами*» В. Бранта; 1865, т. 44: «Полковыя унтеръ-офицерскія школы».

Составъ школы и назначеніе обучающихся. Предполагалось назначать въ пѣхотную школу по 4 человека изъ роты, лучшихъ по поведенію, наружному виду и способностямъ, умѣющихъ читать, писать, твердо знающихъ счисленіе и четыре дѣйствія изъ ариметики. Однако въ нѣкоторыхъ частяхъ не ограничивались этими скромными требованіями и обязывали поступающихъ знать дѣйствія надъ простыми дробями и именванными числами. Подобныя требованія, по мнѣнію г. Бранта, удобнѣе исполнимы во всѣхъ частяхъ, если въ ротахъ будетъ приложено стараніе на подготовку назначаемыхъ въ полковыя школы, безъ сомнѣнія значительно облегчили бы дальнѣйшія занятія. Но выполнить эту задачу могли только ротныя школы, что, безъ сомнѣнія, предполагалось еоставителями проектовъ. Напротивъ, «Положеніе о полковой школѣ» Харьковскаго округа отъ поступающихъ ефрейторовъ не устанавливало никакихъ требованій въ знаніи грамоты, въ томъ, безъ сомнѣнія, предположенія, что неграмотныхъ не станутъ назначать въ школу, гдѣ, безъ знанія грамоты, нельзя было вести дальнѣйшаго обученія, а, слѣдовательно, нельзя было достигать окончательной цѣли.

Положеніе Харьковскаго округа устанавливаетъ и кавалерійскія полковыя школы, какъ было уже въ гвардіи, назначая по 6 человекъ изъ эскадрона. Слѣдовательно, въ полковой школѣ полагалось имѣть въ пѣхотной 60, въ кавалерійской 24 обучающихся.

Раздѣленіе на классы и время занятій. Въ школѣ назначались два класса, съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ. Годичный срокъ признавался недостаточнымъ для основательнаго изученія всѣхъ предметовъ, введенныхъ въ курсъ обученія. Занятія предположено начинать осенью, съ 15-го сентября или съ 1-го октября, и оканчивать 1-го мая или 1-го іюня. Во время весеннихъ, лѣтнихъ и осеннихъ сборовъ, обучающіеся должны были находиться при своихъ ротахъ и эскадронахъ для исполненія служебныхъ обязанностей (*). Но въ положеніи Харьковскаго округа на время сборовъ распускалась только кавалерійская полковая школа; пѣхотная же оставалась въ сборѣ до августа и на ученьяхъ каждаго баталіона, по очереди, дѣйствовала какъ стрѣлковая рота (**). Нѣкоторые не признавали необходимымъ отрывать обучающихся въ полковыхъ школахъ

л. г.-в. Литовскаго полка прапорщ. *Бараніуса*; 1866 г. т. 47: „О полковыхъ унтеръ-офицерскихъ школахъ, по поводу статьи г. Бараніуса“, *Каменскаго*. „Положеніе о полковой школѣ“, объявленное въ приказѣ командующаго войсками Харьковскаго военнаго округа, отъ 12 октября 1865 года, № 136.

(*) „Воен. Сборн.“ т. 15 и 44.

(**) Положеніе о полковой школѣ §§ 27 и 43.

на лѣтнее время и предлагали продолжать занятія круглый годъ, съ 1-го января по 1-е января, дабы имѣть возможность весь курсъ обученія ограничить *однимъ годомъ* и черезъ это давать достаточное число унтеръ-офицеровъ, чего не достигалось при двухлѣтнемъ курсѣ обученія; по ихъ расчету, школы, въ составѣ 60 человекъ, могли выпускать не болѣе 30 унтеръ-офицеровъ, а ихъ нужно было не менѣе 45 до 50 для замѣщенія всѣхъ открывавшихся вакансій (*).

Для ежедневныхъ занятій одни опредѣляли по четыре урока или по шести часовъ, другіе время занятій въ классахъ ограничивали двумя уроками, или тремя часами. Такая разница происходила отъ различія взглядовъ на предметы обученія, ихъ объемъ и содержаніе.

Предметы обученія. Наиболѣе трудною задачею организуемыхъ школъ для приготовленія унтеръ-офицеровъ было опредѣлить составъ предметовъ обученія и ихъ объемъ. Нельзя было сомнѣваться, что въ составѣ спеціальныхъ свѣдѣній должно ввести все то, что входило въ кругъ обязанностей унтеръ-офицеровъ: для этого ограничились перечисленіемъ разныхъ отраслей унтеръ-офицерской науки, взятой изъ практики и опредѣляемой закономъ; подробности выполненія, опредѣленіе состава каждаго предмета предоставлялось завѣдывающимъ командами и преподавателямъ. При отсутствіи опредѣленныхъ рамокъ каждаго предмета и точныхъ указаній его содержанія, руководителямъ полковыхъ школъ пришлось сначала идти какъ бы ощупью: *или* теряться въ излишнихъ требованіяхъ, что отразилось особенно на первоначальномъ проектѣ (**), предлагавшемъ преподавать нѣкоторые предметы въ объемѣ одинаковомъ съ юнкерскими училищами (географія и исторія), *или* вращаться въ сферѣ теоретическихкихъ изслѣдованій и заучиванія на память такихъ правилъ, которыя легко и просто могли быть усвоены практикою или самою службою въ строю.

Изъ разныхъ предложеній и проектовъ, и, особенно, изъ опыта существовавшихъ школъ въ гвардіи и въ 12-й дивизіи, можно видѣть къ чему стремились полковыя школы, чтобы удовлетворить существенной потребности арміи, по образованію унтеръ-офицеровъ.

Кромѣ предметовъ общеобразовательныхъ, составляющихъ необходимое условіе всякаго образованія: закона Божія, русскаго языка (чтенія и письма), ариметики съ дробями, въ составъ курса полковыхъ школъ, какъ мы уже видѣли, вошли: *воинскіе уставы* (строевой, гарни-

(*) „Воен. Сборн.“ 1866 г. т. 47 ст. *Каменскаго* „О полковыхъ унтеръ-офицерскихъ школахъ“.

(**) См. Воен. Сборн. 1860 г. т. 15.

вонной и полковой службы), *теорія стрѣльбы*, съ практическими занятіями разборкою, сборкою и чисткою, необходимыя знанія правилъ изъ *военно-уголовныхъ законовъ* и, вполнѣдствіи, изъ *дисциплинарнаго устава*, *имнастика*, *фехтованіе* и вообще строевая служба.

Такое перечисленіе предметовъ мы находимъ и въ «Положеніи о полковой школѣ» Харьковскаго округа, особенная заслуга котораго заключается въ попыткѣ: *опредѣлить содержаніе курса и время для прохожденія каждаго предмета*:

1) Изъ *закона Божія* (1 урокъ) требуются—знаніе и объясненіе молитвъ, главныхъ догматовъ и литургій, краткая священная исторія и объясненіе Евангелія.

2) Изъ *русскаго языка* (3 урока)—грамота, чтеніе книгъ и рукописей, письмо подъ диктовку и составленіе необходимыхъ бумагъ.

3) Изъ *арифметики* (2 урока)—до понятія о дробяхъ включительно, съ разрѣшеніемъ небольшихъ задачъ.

4) Изъ *военныхъ уставовъ* (2 урока)—обученіе рекрутовъ, ротные и баталіонные строи (въ кавалеріи взводное и эскадронное ученья), гарнизонная и аванпостная служба.

5) Изъ *теоріи стрѣльбы* (1 урокъ)—правила обращенія, разборка, сборка, сбереженіе оружія, литье пуль, приготовленіе патроновъ; правила стрѣльбы въ цѣль и глазомѣрное опредѣленіе разстояній.

6) *Обязанности нижнихъ чиновъ и знаніе необходимыхъ правилъ о дисциплинарныхъ взысканіяхъ и военноуголовныхъ законовъ* (3 урока). Сюда входятъ всѣ необходимыя свѣдѣнія изъ устава о внутренней службѣ, постановленія о дисциплинѣ, порядоки наложенія дисциплинарныхъ взысканій и проч., а также воинскія преступленія, или преступленія по службѣ, и, наконецъ, преступленія и наказанія въ военное время.

Кромѣ опредѣленно-очерченныхъ рамокъ для преподаванія, «Положеніе о полковой школѣ» Харьковскаго округа присоединяетъ указанія и на руководства.

Опредѣленіе, какая часть программы должна быть пройдена въ старшемъ и младшемъ класѣ, въ Харьковскомъ округѣ сначала предоставлялось усмотрѣнію начальника школы. Въ слѣдующемъ 1866 году, когда замѣчено было, что одни и тѣ же предметы въ различныхъ школахъ проходились разнообразно и не въ одинаковомъ объемѣ, иные съ излишнею подробностью, другіе слишкомъ кратко, признано необходимымъ составить *подробную програму*, въ видѣ кон-

спекта, и всё предметы обученія *распредѣлить по каждому классу особо* (*).

Распредѣленіе всѣхъ предметовъ на—половину между старшимъ и младшимъ классами могло бы привести къ удовлетворительнымъ результатамъ, если бы хороша была подготовка поступающихъ въ грамотности; но подготовка, какъ увидимъ, вслѣдствіе упадка ротныхъ и, особенно, эскадронныхъ школъ, значительно понижалась, и въ полковыя школы являлось большинство малограмотныхъ. Г. Бараніусъ въ своемъ проектѣ (**) предлагаетъ, въ первый годъ обученія, сосредоточить вниманіе на предметахъ общаго образованія, а изъ спеціальныхъ проходить одну гарнизонную службу; во второй годъ, повторивъ въ первый мѣсяцъ все пройденное, обратить весь трудъ на предметы спеціального образованія. Такое распредѣленіе занятій по классамъ, представляя необходимую постепенность перехода въ образованіи, въ педагогическомъ отношеніи несравненно лучше дробленія предметовъ по классамъ; причемъ обучающимся, неразвитымъ на столько, чтобы схватывать рассказъ или понимать точный языкъ устава, весьма трудно, въ первый же годъ обученія, проходить почти всѣ уставы, изучать постановленія и т. п. Да и вся система преподаванія, предложенная г. Бараніусомъ, какъ нельзя болѣе согласуется съ педагогическими началами начального обученія, а занятія распредѣлены сообразно съ гигиеническими условіями. У него въ младшемъ классѣ назначено въ недѣлю: для русскаго языка 9 часовъ, для ариметики $4\frac{1}{2}$ часа, для запови Божія 2 часа. Остальное время послѣ обѣда опредѣлено для разныхъ строевыхъ практическихъ упражненій и, кромѣ того, *каждый день*, по одному часу утромъ, послѣ классовъ, удѣляется на гимнастику.

Г. Бараніусъ, очевидно, не надѣялся на подготовку поступающихъ изъ ротъ, видѣлъ изъ опыта всю несостоятельность ихъ свѣдѣній, и потому прежде всего начиналъ дѣло съ обученія грамотности. У него лучше—подготовленные прямо могли поступать на второй годъ обученія или въ старшій классъ; но слабо—подготовленные должны были пройти оба класса.

Признавая чтеніе камнемъ преткновенія для солдатъ, онъ обращаетъ на этотъ предметъ особенное вниманіе, и не напрасно: иначе, полковыя школы не дадутъ *передатчиковъ* грамоты.

Взглядъ г. Бараніуса на обученіе гимнастикѣ и фехтованію

(*) Приказъ по войскамъ Харьковскаго воен. окр. 23 декабря 1866 г. № 211.

(**) „Военный Сборникъ“ 1865 г. т. 44 (августъ) стр. 111.

выработался, какъ видно, подъ вліяніемъ убѣжденія, что фехтованіе и гимнастика велись въ то время безуспѣшно не только въ войскахъ, но и въ школахъ. И нельзя съ нимъ не согласиться, что эти оба искусства могутъ развиваться въ войскахъ только черезъ полковыя школы, обязанныя готовить учителей, знающихъ свое дѣло и умѣющихъ передавать свои знанія другимъ. По мнѣнію г. Бараніуса, въ полковыхъ школахъ: во-первыхъ, должны быть опытные учителя гимнастики и фехтованія; во-вторыхъ, обученіе гимнастикѣ должно начинаться подготовительными движеніями, весьма полезными и въ гигиеническомъ отношеніи; въ-третьихъ, для основательнаго обученія и надлежащей практики, необходимо имѣть гимнастическія и фехтовальныя принадлежности, и, въ-четвертыхъ, завѣдывающій школою *долженъ быть самъ основательно знакомъ* съ правилами гимнастики и фехтованія, чтобы правильно и послѣдовательно управлять ходомъ обученія. Кроме того, авторъ предлагалъ, чтобы, безъ основательнаго знанія гимнастики и фехтованія на ружьяхъ и рапирахъ, не представлять въ унтеръ-офицеры даже тѣхъ, которые съ успѣхомъ окончили курсъ полковыхъ школъ.

Къ предметамъ строеваго образованія, кроме гимнастики, фехтованія и вольтижированія (въ кавалеріи), отнесены: вся рекрутская школа, знаніе сигналовъ и барабанныхъ боевъ и стрѣльба въ цѣль.

Наблюденіе за школою; преподаватели, методы обученія и экзамены. Главное наблюденіе за школою возлагалось въ пѣхотѣ на начальника стрѣлковыхъ ротъ, а въ кавалеріи на помощника командира полка (*). Для завѣдыванія школою назначался офицеръ, получившій специальное образованіе въ учебныхъ войскахъ; на него возлагалась также обязанность обученія строевой службѣ и военскимъ уставамъ. Прочіе предметы преподавали полковой священникъ, офицеръ, завѣдывающій оружіемъ, и полковой жалонеръ.

Ближайшее наблюденіе за порядкомъ въ школахъ возлагалось на фельдфебеля или вахмистра. Въ пѣхотныхъ школахъ были инструкторы фехтованія и гимнастики, но «Положеніе о полковой школѣ» Харьковскаго округа ихъ не назначало.

Методы обученія не были выяснены ни однимъ проектомъ; встречались предложенія неопредѣленныя, въ родѣ *обученія разговорнымъ*, (т. е. сократическимъ) способомъ. Впрочемъ, трудно было установиться вѣрнымъ взглядомъ на способы обученія нижнихъ чиновъ въ то время, когда еще не выяснились ни составъ предметовъ, ни ихъ объемъ и содержаніе; не было составлено даже учебниковъ; единствен-

(*) Въ Положеніи о полковой школѣ.

ными руководствами были «Справочная солдатская книжка» и «Строевые уставы»; рѣдко появлялись записки, составляемыя офицерами мало-опытными въ педагогическомъ дѣлѣ.

Время для производства экзаменовъ однимъ назначалось, по окончаніи курса, въ апрѣлѣ или въ маѣ, какъ было въ гвардейскомъ корпусѣ; другіе предпочитали производить ихъ передъ окончаніемъ лѣтнихъ сборовъ, въ августѣ. Успѣшно-окончившихъ курсъ предлагали награждать денежными подарками, книгами или нашивкою изъ желтаго басона. Но едва-ли подобнаго рода поощренія могли приносить существенную пользу: лучшею наградою должно быть производство въ унтеръ-офицеры *не иначе какъ по окончаніи курса въ полковой школѣ*, что и вошло въ «Положеніе» Харьковскаго военного округа, § 34.

Денежныя награды, даже въ малыхъ размѣрахъ, въ общей массѣ составили бы значительную цифру, и тѣмъ болѣе были бы неумѣстны, что съ затрудненіемъ выискивались средства на содержаніе самыхъ школъ.

Нашивка же изъ желтаго басона теряетъ значеніе передъ унтеръ-офицерскими галунами.

Матеріальныя средства и помѣщеніе школъ. Мы видѣли, изъ какихъ разнообразныхъ источниковъ содержались ротныя школы; содержаніе же полковыхъ школъ иногда падало на средства самихъ командировъ полковъ.

Составители проектовъ не выяснили достаточно, какой размѣръ денегъ необходимъ для обезпеченія матеріальной учебной части; по-видимому, не существовало положительныхъ данныхъ, какого рода и въ какомъ размѣрѣ нужны учебныя пособія, книги для чтенія и письменныя принадлежности. Все опредѣлялось гадательно; иначе и не могло быть, при неопредѣленности взгляда на самый составъ курса. Такимъ образомъ, въ первоначальномъ проектѣ 1860 года, задавшемся весьма широкою програмою, въ числѣ учебныхъ пособій предполагалось имѣть географическія карты, глобусы, *нѣобходимое число* (какое?) руководствъ (какихъ?), бумагу, перья, чернила и проч., равно и разныя пособія (?) по оружейному дѣлу. Для покупки книгъ и пособій, и вообще на содержаніе школы, предлагались: а) заработкія деньги обучающихся и б) вычеты по одному рублю на каждаго обучающагося изъ экономическихъ сѣстныхъ суммъ. Но какъ увольнять на работы обучающихся въ полковой школѣ вполнѣдствіи признали неудобнымъ, то считали возможнымъ отдѣлять изъ заработныхъ денегъ прочихъ солдатъ такую сумму, какая причиталась бы

каждому ученику полковой школы, если бы онъ все время находился на вольныхъ работахъ (*).

Во всякомъ случаѣ, главнымъ источникомъ содержанія полковыхъ школъ были экономическія съѣстные суммы, изъ которыхъ назначались деньги какъ на первоначальное обзаведеніе, такъ и на приобрѣтеніе учебныхъ пособій.

Такъ «Положеніе о полковой школѣ» Харьковскаго округа разрѣшаетъ употреблять изъ экономическихъ суммъ—на пѣхотную по 70 рублей, а на кавалерійскую по 50 рублей. Изъ этого же источника, на приобрѣтеніе учебныхъ руководствъ, книгъ, журналовъ и разныхъ припасовъ, оно назначило ежегодно по одному рублю на каждого обучающагося, т. е. на пѣхотную школу 60, на кавалерійскую 24 руб.

Довольствіе пищею было изъ котла при строевой ротѣ, или при музыкантской командѣ, или особо, по усмотрѣнію начальника части.

Школа помѣщалась при полковомъ штабѣ; обучающіеся составляли особую команду, хотя иногда жили по квартирамъ. Если не было казармъ, то въ отводѣ помѣщеній для занятій встрѣчались постоянныя затрудненія, вынуждавшія обращаться, какъ мы видѣли, къ найму удобнаго дома.

Сдѣлавъ общій очеркъ постепеннаго развитія и устройства школъ до 1867 года, обратимся къ результатамъ грамотности вообще и, на основаніи собранныхъ нами офиціальныхъ и частныхъ данныхъ, постараемся тщательно вникнуть въ причины малой успѣшности въ ней и какія отъ того происходили послѣдствія для полковыхъ школъ.

Въ 1866 и 1867 годахъ, вовсе необученныхъ грамотѣ, т. е. *неумѣвшихъ читать и писать*, по офиціальнымъ даннымъ числилось:

	Въ 1866 году.		Въ 1867 году.	
	Общее число.	Неумѣвшихъ читать и писать.	Общее число.	Неумѣвшихъ читать и писать.
Въ 47 дивизіяхъ пѣхоты и въ резервныхъ баталіонахъ.	381,000	200,000 или 52%	363,000	177,000 или 49%
Въ 10 кавалерійскихъ дивизіяхъ и въ 7 кавалерійскихъ бригадахъ.	62,000	41,000 или 66%	60,000	37,000 или 61%

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1860 г. т. 15, стр. 330; 1865 г. и т. 44 стр. 110.

Въ мѣстныхъ войскахъ .	158,000	103,000	164,000	100,000
		или 65%		или 61%
	601,000	344,000	587,000	314,000
		или 57%		или 54%

И такъ, въ пѣхотѣ около половины, а въ кавалеріи около $\frac{2}{3}$ пѣхотныхъ чиновъ вовсе необучены грамотѣ. Умѣвшихъ же читать и писать въ частяхъ пѣхоты было $\frac{1}{4}$, а въ кавалеріи $\frac{1}{5}$; остальные, почти въ такомъ же числѣ, отнесены къ разряду знающихъ одно чтеніе.

Послѣ сказаннаго о стремленіи измѣрять успѣхи грамотности показываніемъ въ вѣдомостяхъ возможно-большаго числа грамотныхъ, мы въ правѣ усомниться въ достовѣрности этихъ данныхъ; но допустимъ фактическую въ нихъ справедливость, и посмотримъ, какого рода была эта грамотность въ ротахъ и эскадронахъ въ концѣ десятилѣтняго періода, ознаменованнаго значительными боевыми и административными реформами.

Мы видѣли, что первыя попытки распространенія грамотности, начавшись увлеченіемъ, окончились незначительными успѣхами: въ этомъ дѣлѣ, въ 60-хъ годахъ, замѣтны были вялость и неустойчивость.

Какъ было въ началѣ 60-хъ годовъ, когда, вмѣсто распространенія ротныхъ и эскадронныхъ школъ, стали развиваться полковые школы, такъ было и послѣ, въ 1866 и 67 годахъ, и можетъ быть даже хуже: читавшіе даже бѣгло по *своей книжкѣ* совершенно не понимали читаемаго; мало того: они часто показывали пальцемъ не на ту строку, которую произносили; солдаты, составлявшіе исключеніе, въ большинствѣ случаевъ оказывались обученными грамотѣ еще дома. Вся же масса обучаемыхъ по нѣскольку лѣтъ сидѣла на буквѣхъ и складахъ; въ 3-й, 5-й и 10-й годъ въ обученіи приходилось возвращаться къ началу.

Стремленіе поскорѣ сдѣлать солдата способнымъ *казаться грамотнымъ* было слѣдствіемъ распространившагося въ ротахъ и эскадронахъ взгляда на грамотность, какъ на дресировку, не требующую особаго умѣнья, пріемовъ и такта отъ обучающихъ, а не какъ на *средство* умственного развитія. Мало заботились о томъ, что процессъ подобнаго обученія малограмотными унтеръ-офицерами шелъ въ ущербъ развитію—лишь бы соблюдена была формальность, перѣдко только для удовлетворенія годовыхъ отчетовъ.

Всякое, даже практическое, дѣло не можетъ быть выпол-

нено успѣшно безъ навыка; тѣмъ болѣе навыкъ необходимъ для обученія грамотности: слѣдовательно, главное условіе успѣха въ этомъ дѣлѣ заключается въ *учителяхъ*, въ ихъ способности и навыкѣ. Таими учителями бывали офицеры только въ немногихъ, еще мѣстами сохранившихся, ротныхъ и эскадронныхъ школахъ, расположенныхъ въ особыхъ домахъ; но это было исключеніемъ, ибо и въ лучшихъ частяхъ арміи грамотность терпѣла отъ недостатка хорошихъ учителей. Обыкновенно же, гдѣ добивались обучить грамотѣ *всѣхъ*, гдѣ ротныя школы создались только передъ инспекторскими смотрами, и, тѣмъ болѣе, гдѣ совершенно отрицалась необходимость грамотности, тамъ учителями бывали унтеръ-офицеры. Здѣсь офицеръ, познакомивъ наскоро нѣкоторыхъ солдатъ своего капральства съ первыми приемами чтенія, передавалъ ихъ на руки своимъ помощникамъ, унтеръ-офицерамъ. Унтеръ-офицеры, даже при существованіи полковыхъ школъ, болѣею частью были люди малограмотные, неспособные сами вдумываться въ смыслъ прочитаннаго и, конечно, еще менѣе расположенные допытываться до смысла у своихъ учениковъ. Если и бывало желаніе возложить общій надзоръ за обученіемъ въ каждой ротѣ на офицера, то, за всѣми командировками, особенно при караульной службѣ, такого не оказывалось.

Съ другой стороны, занятія съ солдатами, человекомъ взрослымъ, соврѣвшимъ, требуютъ, кромѣ умѣнья, отъ учителя охоты и любви къ дѣлу, терпѣнія и настойчивости; качествами же этими обладали весьма немногіе офицеры, да и эти немногіе, занимаясь въ школахъ, составленныхъ изъ 20 или 30 наиболѣе способныхъ солдатъ, весьма часто мѣнялись и, при всей своей преданности дѣлу, не могли довести до конца начатаго съ успѣхомъ обученія.

Обученіе же грамотности *всѣхъ*, при участіи офицеровъ, требованіе, чтобы обученіемъ занимались полувзводные офицеры, не могло дать хорошихъ результатовъ: во-первыхъ, не всегда въ ротяхъ, кромѣ командира, оставался даже одинъ офицеръ; во-вторыхъ, заниматься грамотностію одновременно можно было только съ людьми *незанятыми службою*. Поэтому число солдатъ, которыхъ можно было обучать грамотѣ, въ среднемъ выводѣ не превосходило 20—25 человекъ на роту свободныхъ отъ нарядовъ на службу, съ нѣкоторыми занимались не въ опредѣленное время, а какъ случится.... Еще менѣе свободныхъ людей оставалось въ эскадронѣ; стоять только прослѣдить всѣ служебныя занятія кавалерійскаго солдата съ пяти часовъ утра, въ зимнее время, когда эскадроны расположены въ селеніяхъ раскинутыхъ на нѣсколько верстъ: чистка, кормленіе лошади,

водопой, уборка конюшенъ, приготовленіе къ конному ученію въ манежѣ, ѣзда, уборка лошади и сбруи; послѣ обѣда—опять кормъ и водопой, да при этомъ конюшня можетъ отстоять на версту, на пять и болѣе верстъ отъ квартиры. Если возможны занятія грамотностію, то развѣ вечеромъ, послѣ четырехъ часовъ, при освѣщеніи. Только въ тѣ дни, когда бывають пѣшія ученія, гимнастика, фехтованіе и вольтижированіе, можно было удѣлять на грамоту около двухъ часовъ. Присоединивъ къ сказанному разные наряды, которыхъ немало при обширномъ расквартированіи и значительномъ числѣ малыхъ конюшенъ, стануть понятными неблагоприятныя условія въ нашей армейской кавалеріи для занятій грамотою. И дѣйствительно, въ ней грамотность шла постоянно еще менѣе успѣшно, чѣмъ въ пѣхотѣ.

Неизбѣніе какихъ *опредѣленныхъ денежныхъ средствъ для пріобрѣтенія учебныхъ пособій и учебныхъ принадлежностей* было также однимъ изъ важныхъ условій малаго успѣха въ развитіи грамотности, и, можетъ быть, одною изъ главныхъ причинъ упадка ротныхъ и эскадронныхъ школъ. Мы не говоримъ о затрудненіяхъ въ помещеніяхъ подъ школы: объ этомъ состоялось распоряженіе въ 1867 году (*).

Для занятій грамотою или, что тоже, на ротныя и эскадронныя школы, теперь, какъ и въ началѣ, отпускались деньги изъ хозяйственныхъ, экономическихъ и харчевыхъ суммъ; размѣръ этихъ денегъ былъ неодинаковъ и не всегда достаточный, часто зависѣвшій отъ доброй воли и распорядительности полковаго начальства. Въ Одесскомъ округѣ, по распоряженію окружнаго начальства, на покупку учебныхъ принадлежностей и на выписываніе журналовъ назначалось на роту отъ 48 до 36 р., на эскадронъ до 20 р. Въ Варшавскомъ и въ Харьковскомъ округахъ, всѣ учебныя пособія въ ротахъ обязаны были выписывать на счетъ денегъ отпускаемыхъ изъ хозяйственныхъ суммъ на канцелярію. На Кавказѣ и въ Финляндіи—въ однихъ ротахъ книги и письменныя принадлежности нижніе чины покупали на собственные деньги, въ другихъ—книги выписывались на счетъ харчевой суммы, а бумага и перья покупались самими солдатами. Изъ собранныхъ нами свѣдѣній въ 1867 году видно, что въ нѣкоторыхъ ротахъ въ нѣсколько лѣтъ выписано было книгъ на 20 рублей, а въ другихъ никогда ничего не выписывалось. Едва ли могли роты удѣлять много изъ своихъ харчевыхъ суммъ, да и что могъ купить солдатъ изъ своего кармана?...

При такихъ условіяхъ, книги, учебныя пособія и письменныя

(*) Циркуляръ Главнаго Штаба 27 апрѣля, 1867 г. № 118.

принадлежности не могли имѣть достаточной полноты; самый выборъ ихъ зависѣлъ отъ случайностей. Даже въ полковыхъ школахъ книги выписывались часто безъ всякаго разбора и безъ определенной цѣли, или поступали отъ офицеровъ въ видѣ подарковъ, по ненадобности въ нихъ, или покупались по дешевизнѣ.

Поэтому составъ *солдатскихъ библиотекъ* былъ весьма разнообразенъ и рѣдко соответствовалъ нуждамъ солдатъ.

Наиболѣе распространеными книгами въ солдатскихъ библиотекѣхъ были періодическіе журналы, издаваемые для солдатскаго чтенія; въ некоторыхъ дивизіяхъ попадались и народныя изданія: «Грамоты», «Народная Бесѣда», «Народная Газета». Иногда въ составъ библиотекъ попадали прежній «Журналъ военно-учебныхъ заведеній», романы англійскихъ писателей и даже пресловутый Поль-де-Коокъ: хотя въ послѣднее время появилось немало полезныхъ книгъ для чтенія простонародія, однако рѣдко книги эти выписывались въ полки.

Несправедливо думать, что въ русской литературѣ, украшенной многими почтенными именами, вовсе не было тогда книгъ, достойныхъ популярности и соответственныхъ пониманію солдатъ. Наша простонародная литература и въ то время была уже весьма удовлетворительная: почти у всѣхъ извѣстныхъ авторовъ есть рассказы и повѣсти, совершенно понятныя даже для безграмотнаго. Дѣло состояло въ умѣннѣ *выбрать книги и въ способности чтенія.*

Журналы, издаваемые для солдатскаго чтенія, несмотря на свою хорошую программу, содержатъ, однако, немало статей, совершенно недоступныхъ пониманію большинства, какъ выразился одинъ фейерверкеръ: «есть много, что читаешь съ понятіемъ, а *есть много очень хитрыхъ статей*, которыхъ, пожалуй, вовсе не поймешь» (*). Лучшимъ журналомъ въ то время была «Солдатская Бесѣда» *Поюсскаго*, благодаря изобилію статей самаго талантливаго автора; но, превратившись въ «Досугъ и Дѣло», въ болѣе обширной программѣ, новый журналъ утратилъ немало значенія и интереса; послѣднее замѣчаніе не относится, конечно, къ рѣдко появляющимся статьямъ самаго издателя. Для выбора же прочихъ книгъ, извѣстныхъ по своимъ достоинствамъ и способныхъ *вытѣснить всѣ нелпыя порожденія литературы*, въ родѣ «Магометанки, умирающей на гробѣ своего возлюбленнаго», романовъ Поль-де-Коока, разныхъ издѣлій рыночной

(*). *Заринскій*: «Публичныя педагогическія лекціи о преподаваніи въ школахъ для солдатъ». Казань, 1869 г. стр. 313.

фабрикации, не доставало специальныхъ указаній, не было надлежащихъ каталоговъ.

Намъ удалось найти указанія на двѣ *солдатскія библиотеки*, хорошо устроенныя и составленныя довольно основательно. Обѣ онѣ въ гвардейскихъ полкахъ, имѣвшихъ всегда болѣе средствъ на учебныя пособія. Одна въ лейбъ-гвардіи Гренадерскомъ полку, о которой упоминается еще въ 1862 г. (*): въ ней было 250 названій книгъ: изъ нихъ духовнаго содержанія 59, военно-историческихъ 73, учебныхъ 25, повѣстей, рассказовъ, басень и сказокъ 93; о другой упоминается въ 1866 году (**), именно о библиотекѣ лейбъ-гвардіи Литовскомъ полку: въ ней книги раздѣлены на девять отдѣловъ и главное богатство ея состояло въ періодическихъ изданіяхъ, въ книгахъ духовнаго содержанія и разнаго рода повѣстахъ и рассказахъ.

Но и при хорошемъ составѣ библиотекъ, книги могли читаться только немногими грамотными, преимущественно унтеръ-офицерами, бывшими въ полковыхъ школахъ; большинство даже названныхъ «умѣющими читать и писать» книгъ не читало, потому что *не умѣло читать* и, слѣдовательно, не могло понимать даже хорошей, доступной, популярной книги.

Наиболѣе полезнымъ и любимымъ чтеніемъ солдатъ, какъ извѣстно, составляютъ книги духовнаго содержанія. Но подобныя книги были рѣдки. Вотъ, между прочимъ, отзывъ одного лица, близко заинтересованнаго успѣхами развитія грамотности: «Остается только сожалѣть, что въ ротахъ мнѣ нигдѣ не случалось видѣть Евангелія, какъ настольную книгу солдата, тогда какъ, по дешевизнѣ, можно было бы приобрести, по крайней мѣрѣ, по одному экземпляру на пять человѣкъ. Все религіозное образованіе въ ротахъ заключается въ задалбливаніи наизусть молитвъ, болѣею частью безсознательно. Пря весьма рѣдкою посѣщеніи ротъ священниками, для назиданій и бесѣдъ, трудно ожидать, чтобы живыя и спасительныя истины христіанства благотворно дѣйствовали на образованіе души и сердца, и чтобы много въ религіи не было бы суевѣрнымъ обрядамъ».

О *методахъ обученія* въ ротныхъ школахъ много писалось въ «Военномъ Сборникѣ» (***) и немало издавалось весьма обстоятель-

(*) «Военный Сборникъ», 1862 г. т. 25, стр. 365. Библиотека роты Его Императорскаго Величества.

(**) См. «Военный Сборникъ» 1866, т. 47, стр. 323. «Нѣсколько мыслей о грамотности въ войскахъ».

(***) «Военный Сборникъ», томы: 1, 2, 4, 15, 29, 44, 47, 48 и 49. Особеннаго вниманія заслуживаетъ статья *Поюсскаго*. «О грамотности въ войскахъ» и *Линина*, «Образованіе рекрутовъ».

ныхъ приказовъ въ дивизіяхъ и даже въ нѣкоторыхъ округахъ; однако, на практикѣ, у руководителей обученія встрѣчались постоянныя отступленія отъ этихъ указаній, и намъ постоянно бросались въ глаза: *неопредѣленность цѣлей, противоположность взглядовъ и несоответственность приемовъ обученій съ силами обучающихся*. Однимъ словомъ, педагогическая практика дѣятелей въ ротахъ и въ эскадронахъ, будучи лишена твердыхъ указаній и содѣйствія опыта, сколько зависѣла отъ благоусмотрѣнія самихъ начальниковъ, столько же и отъ неуѣлости учителей; съ перемѣною начальника часто мѣнялись и требованія; къ тому же, дѣло грамотности, даже въ значительныхъ частяхъ арміи, ограничивалось формальностью и умѣншемъ блеснуть лицевой стороною.

Общее наблюденіе за ходомъ обученія грамотности, а равно и за полковыми школами, возлагалось на начальниковъ дивизионныхъ штабовъ, или на помощниковъ начальниковъ дивизій. Грамотность повѣрялась и инспекторамъ войскъ; но послѣдніе, находясь короткое время въ каждой части и имѣя весьма обширную программу для своихъ осмотровъ, могли удѣлять на повѣрку ея не много времени. По отзывамъ же краткихъ отчетовъ не всегда можно составить определенное заключеніе о *сущности занятій грамотою*, о тѣхъ *затрудненіяхъ*, съ которыми приходилось бороться, о тѣхъ *средствахъ*, которыя имѣлись для занятій, и о *результатахъ* дѣйствительно достигаемыхъ. Передъ нами отзывъ помощника начальника дивизіи о грамотности одной изъ армейскихъ дивизій, въ которой въ 1865 году была дѣлая система школъ:

«*Ротныя школы 9-й роты*: грамотность подвигается; но остальные званія (теорія стрѣльбы, обращеніе съ оружіемъ) весьма слабы». *Въ другомъ полку*: «Ротныя школы ведутся добросовѣстно, и хотя грамотность далеко не общая, но большая часть людей достаточно развивается, знаютъ обращеніе съ оружіемъ» и проч.

Впрочемъ, изъ всѣхъ отрывочныхъ, болѣе или менѣе общихъ, указаній можно составить слѣдующее понятіе о результатахъ грамотности въ войскахъ, въ исходѣ разсматриваемаго нами періода, по отношенію къ полковымъ школамъ, куда выбирались лучшіе во всѣхъ отношеніяхъ люди:

Обученіе въ *полковыхъ школахъ* велось съ малымъ успѣхомъ, далеко оставляя ожиданія, и это было слѣдствіемъ *недостаточнаго подготовленія* въ грамотности людей *въ ротахъ и эскадронахъ*, и даже въ ротныхъ и въ эскадронныхъ школахъ, гдѣ онѣ были устроены, какъ подготовительные классы для полковыхъ школъ. Нижніе чины усвоива-

ли только процеть чтенія, и даже въ *полковыхъ школахъ* большин-ство, при чтеніи, заботились о *механизмѣ читаемаго*, не будучи въ состояніи удерживать смыслъ самой простой рѣчи.

Въ полковыхъ школахъ, при лучшихъ средствахъ, напримѣръ, въ гвардейскомъ корпусѣ, съ офицерами относившимися съ любовью къ дѣлу, страдала не одна грамотность: и вся постановка школъ не удовлетворяла прямой цѣли приготовленія унтеръ-офицеровъ. На требуемая отъ полковъ подробныя донесенія получались обыкновенно краткіе отчеты или, лучше сказать, общія программы занятій. Гораздо болѣе приносила пользы періодическая ревизія ихъ лицами спеціально для сего назначенными, которыя на мѣстѣ могли дѣлать не одну повѣрку занятій, но имѣли возможность услышать отъ тѣхъ же полковыхъ командировъ и отъ завѣдывающихъ обученіемъ множество справедливыхъ, практическихъ и дѣльных замѣчаній—не бесплодныхъ, если, на основаніи личныхъ наблюденій инспектирующихъ лицъ, составлялись отчеты съ безпристрастною оцѣнкою фактовъ.

Для подтвержденія сказаннаго предлагаемъ читателямъ выдержку изъ приказа начальника одной гвардейской дивизіи, въ 1865 году, послѣ обзора полковыхъ школъ особой комисіей: «Ни въ одномъ полку не было полного комплекта, т. е. 60; въ школы назначались люди вовсе неподготовленные, *большую часть совершенно безграмотные*; въ теченіе курса, не окончившіе обученія рядовые производились въ унтеръ-офицеры, вмѣсто же ихъ въ школу поступали новые, также неподготовленные. Въ программу обученія не вошли во всѣхъ школахъ гарнизонная и аванпостная служба, составленіе форменныхъ бумагъ, а изъ ариметики—дробь». Въ объявленной затѣмъ «Инструкціи» начальника этой дивизіи дается полное наставленіе для руководства въ школахъ и въ ней особенное вниманіе обращено на грамотность—въ полковыхъ же школахъ. «Считаю нелишнимъ напомнить, что *сознательное и разумное чтеніе*, какъ единственное средство сдѣлать солдата способнымъ къ самообученію, должно составить *самый важный предметъ курса*» (*).

Эти правдивыя слова лучше всего свидѣтельствуютъ, съ одной стороны, о тѣхъ трудностяхъ, которыя предстояло еще преодолѣть для постановки полковыхъ школъ, а съ другой—о недостаточныхъ результатахъ грамотности даже въ лучшихъ частяхъ нашей арміи.

П. Вобровскій.

(Продолженіе будетъ.)

(*) Приказы начальника 3-й гвардейской дивизіи 1865 г. 20-го мая № 67 и 25-го сентября № 124.